

Действие второе

Закончилась первомайская демонстрация. На улице ещё звучит музыка, встречаются парочки, отдельные нарядные прохожие с цветами, шарами, флажками в руках. На перекрёстке — наши знакомые: Лида, Таня, Сергей Рита. К ним подходят На д я и На д ю ш а.

Л и д а. О-о! Знакомые всё лица!

Т а н я. Наши заблудшие овечки...

С е р г е й. Отбившиеся от стада.

На д ю ш а (*потупясь, изображает раскаяние*). Виноваты. Исправимся.

Р и т а. Смотрите у меня! (*Шутливо-угрожающе.*) Сорвите только выступление сегодня!..

С е р г е й. Ух как грозно!

Р и т а. Я на смену. До вечера!

В с е. Пока-пока!

Р и т а. Ребята, знаете что... По слухам, Адыл отказывается от сегодняшнего выступления. Вроде у них там что-то с Ольгой. Разлад какой-то. Сходите, поговорите...

Л и д а. Поговорим.

Р и т а. Постарайтесь уговорить...

Т а н я. Постараемся.

С е р г е й. Уговорим!

Рита уходит.

Т а н я. Ну что, идём к Адылу?

Н а д ю ш а. Разумеется.

С е р г е й. Сейчас заскочим в магазин... за убедительным аргументом...

Н а д я. Смотри, нааргументируетесь...

С е р г е й. В разумных размерах только. Гарантирую. Ты же меня знаешь.

Квартира Адыла и Ольги. Хозяева встречают прибывших радушно.

А д ы л. О! Привет! Заходите. Вы откуда?

Л и д а. С демонстрации.

А д ы л. Мы тоже только что с демонстрации.

Т а н я. Шли?

А д ы л. Нет, смотрели.

О л я. Проходите.

А д ы л. Рассаживайтесь.

Оля расставляет на столе посуду.

С е р г е й. Столы накрываются, праздник продолжается! Вот! *(Ставит на стол бутылку вина.)*

Т а н я. Ничего не надо, Оля, мы ненадолго.

О л я. А куда торопиться? Праздник ведь, выходной.

Л и д а. Мы тут...

А д ы л. Посидим, поговорим. Май, весна, красота!

С е р г е й. У нас с собой вино...

О л я. А у нас конфеты есть.

С е р г е й. Ем только шоколадные!

Т а н я. Ох-ох-ох! Сладкоежка!

Н а д я. Мужчины — они такие! Помню, в детстве гостила у дяди в деревне, так он солёную селёдку сахаром посыпал. Представляете? Всё с сахаром любил есть...

Л и д а. Например?..

Н а д я. Варёные яйца, например, в сахар макал...

С е р г е й. Воронные яйца, вороны яйца... Надюшка, ты, случайно, свои замечательные блины не прихватила?

Надюша. Придумаешь! На демонстрацию с блинами, что ли?

Адыл. А жаль! *(Напевает.)* «Твои ажурные блины... твои волшебные глаза...». Блины твои — объедение!

Сергей. А глаза твои — заглядение!..

Адыл *(берёт гитару, наигрывает, напевает)*. «Чайка летит, ветер гудит, шторм надвигается...»

Девчонки начинают подпевать.

Адыл. Что ещё споем?

Лида. И кому же в ум пойдёт...

Надя. На желудок петть...

Адыл. Не выпив? Серёжа, разливай.

Сергей. Со всей моей готовностью... *(Разливает.)* За что пьём?

Лида. Не пьём, а выпиваем.

Таня. За... за...

Надя и Надюша. За нас!

Адыл. Вот это правильный тост! За нас за всех!

Выпивают.

Сергей. Конфетку можно?

Таня. Шо-ко-ладную. На, сладёна!..

Сергей берёт гитару, наигрывает.

Лида. Танюнич, а почитай нам Есенина... или Евтушенко. У тебя это хорошо получается.

Надя. Правда, Тань, почитай.

Надюша. В качестве репетиции.

Таня. Уговорили. *(Читает стихи.)* «Несказанное, синее, нежное... Тих мой край после бурь, после гроз...»

Сергей. А какая песня на стихи Есенина — замечательная! *(Наигрывает, напевая.)* «Над окошком месяц. Под окошком ветер...»

Постепенно песню подхватывают все.

Л и д а. Ой, нагнали грусти!

А д ы л (*берёт гитару у Сергея*). А ну, Лидок, твою коронную!..

Л и д а. А давай!.. (*Запевает.*) «Живёт моя отрада в высоком терему...»

А д ы л (*подхватывает*). «А в терем тот высокий нет хода никому...»

Все подпевают, Лида солирует. И вот уже песня льётся широко, от души.

Т а н я. Ох, Лида, и голос у тебя!

С е р г е й. Есть такие голоса — встают дыбом волоса...

Т а н я (*хлопает Сергея по спине*). Вечно ты со своими шуточками...

Н а д ю ш а. Жаль, нет Светланы. Она бы нам сейчас частушечку сбацала.

Л и д а. Точно. Как тогда, в поездке с гастрольями в Чкаловск.

Н а д я. Всю дорогу молчала, пока мы всё не перепели, и вдруг выдала: «Стоит парень у ворот, широко разинул рот, я недолго думала, подошла да плюнула».

Т а н я. Да, смеху было...

Л и д а. Конечно, смеху! Я-то знала другое окончание: «И никто не разберёт, где ворота, а где рот». А тут такое!..

Н а д ю ш а. А что мы сегодня в концерте исполняем?

Т а н я. Программа у Риты.

А д ы л. А она придёт? Да, а почему её нет, кстати?

Л и д а. На смене она. Но сказала, что отпросится на пару часов.

Сергей берёт гитару у Адыла.

С е р г е й. Цыган и цыганка Аза не больше одного раза... исполняют... (*Начинает петь.*) «Вот мчится тройка почтовая вдоль по дороге столбовой...» Адыл, поддержи! (*Поют песню вдвоём до конца.*) «Ямщик, уныло напевая, качает буйной головой...»

Парни поочерёдно передают друг другу гитару. Поют песни под гитару и без аккомпанемента.

Н а д я. Попели-посидели, пора и честь знать.

Н а д ю ш а. Подготовиться к вечеру нужно...

Т а н я. Пойдём мы, наверное... Спасибо за приём...

С е р г е й. Ну что, уговорили мы тебя?

А д ы л. Не знаю...

О л я. Он обязательно придёт. Мы придём.

Т а н я. С гитарой!..

Тенистый парк. Площадка за сценой летней эстрады. Возбуждённые участники концерта. Появляется Лида. Она взволнована после отыгранной сцены.

Л и д а. Представляете, отыграли с Виталием Петровичем сцену администратора и постояльца из «Истории с метранпажем», спускаюсь с эстрады, а ко мне подходит мальчишка и спрашивает: «Тётянька, а что вы такая злая?»

Н а д я. Значит, правдоподобно сыграла.

Н а д ю ш а. И что ты ответила ребёнку?

Л и д а. Я растерялась...

Р и т а. Татьяна — на сцену. Есенин или Евтушенко — сама объявляй.

Н а д я. А где Виталий Петрович?

Р и т а. В зал, наверное, пошёл. У него больше нет сцен.

Н а д я. Что, так в гриме и пошёл?

Р и т а. Да какой там грим? У нас же концертный вариант. Девочки, следующий номер — мой...

Н а д я. Опять «вырастать» будешь?

Р и т а. Вырастать. *(Передаёт листок с программой пошедшей Татьяне, уходит.)*

Л и д а. Помните концерт для югославской делегации? Рите тогда не дали читать Роберта Рождественского. Нина Васильевна сказала: «Риточка, ты замечательно читаешь „Мы вырастаем“ Рождественского. Но югославы не поймут, куда это мы вырастаем. Песни и отрывки из спектаклей — другое дело. Мы всё-таки классику играем. А классика понятна всем».

Л и д а. Мы тогда только отрывки из спектаклей играли...
Н а д ю ш а. А я-то думала, отчего она тогда не читала?
Теперь понятно.

Сергей настраивает гитару. Подходят Адыл и Гафур.

А д ы л. Знакомьтесь: Гена.

Г а ф у р (представляется, пожимая руки парням и девушкам). Гафур... Гафур...

Т а н я. Ты же Гена, а говоришь — Гафур?

Г а ф у р. Это я по-русски — Гена, а по-нашему — Гафур.

Т а н я. А что, похоже: Гафур — Гена...

Н а д я. Придумают же!..

Н а д ю ш а. А как называть-то теперь будем? Геной можно?

Г а ф у р. Всё равно, и Геной можно, и... Как вам привычнее. А где Рита? Я за ней.

А д ы л. Он за Ритой.

Л и д а. Она на сцене.

Подходит Рита.

Р и т а. Сергей, твой выход! Я тебя объявила. Спой им что-нибудь душевное, весенне-лирическое. *(Замечает Гафура.)* О, Гена?! А ты какими судьбами?

Г а ф у р. Какая ты нарядная! Артистка прям-таки...

Р и т а. А то! Нашему брату положено по штату. Сцена всё-таки... Зрителя уважать нужно.

Г а ф у р. Шёл к вам в общежитие, встретил Адыла. Он сказал, что вы здесь концерт даёте.

Р и т а. Понятно.

Г а ф у р. Ты будешь ещё выступать?

Р и т а. Нет. Мне на смену нужно. Я же отпросилась ненадолго.

Г а ф у р *(разочарованно)*. На смену... А я думал, погуляем. Праздник как-никак...

Р и т а. Увы! Увы-увы! Пойдём, проводишь до автобуса. *(К артистам.)* Продолжайте концерт. Программа у Татьяны.

Рита и Гафур идут по аллее парка.

Гафур. Артистка, говоришь?.. А помнишь, как мы осенью однажды у вас в комнате раздурачились, разыгрались, развыступались?..

Рита. И какие-то сценки разыгрывали, и танцы, и фокусы... Как будто выпили изрядно, не по одному фужерчику-стаканчику.

Гафур. А всего-то — чаю!

Рита. И как можно было с чая так веселиться?..

Гафур. А что ты сегодня показывала в концерте?

Рита. Стихи читала.

Гафур. Хорошие?

Рита. Конечно! Роберта Рождественского. «Мы вырастаем» — отрывок из поэмы, посвящённой Юрию Гагарину.

Гафур. Прочти ещё что-нибудь. Что тогда в комнате читала...

Рита. Стихи я люблю. Слушай! Василий Фёдоров. «Видимо, по щучьему веленью женственность такая создана. Каждая минута — преступление, что поныне ходишь ты одна». Моя сестрёнка любит Василия Фёдорова.

Гафур (*вздыхает*). Преступница ты, Ритка!

Рита. Почему?!

Гафур. Одна ходишь...

Рита. Одна?.. Я же с тобой...

Гафур (*вдруг, неожиданно*). Давай мы с тобой поженемся!

Рита (*думая, что это шутка, отвечает шуткой*). Давай... После дождика в четверг... Устроит?..

Но Гафур смотрит серьёзно, хватая Риту за руки, за плечи, прижимает к себе, потом отталкивает. И говорит, говорит, сердится, умоляет, оправдывается.

Гафур. Понимаешь, я в армию ухожу... Хочу, чтобы ты меня ждала. По нашим обычаям, понимаешь?!

Рита. Гена, ты что, пьяный?!

Г а ф у р *(не давая сказать Рите ни слова)*. Я уже родителям про тебя рассказал... Сестрёнки мои про тебя знают...

Поедем к нам, поедем к моим родителям...

Р и т а. Ты — пьяный... Я боюсь тебя...

Взволнованы. Говорят одновременно. Рита пытается объяснить, Гафур перебивает её, продолжая своё.

Р и т а. Парень... В армии... Успокойся!..

Г а ф у р. Нет-нет! Послушай! Я люблю тебя... очень! *(Прижимает Риту к себе и продолжает бормотать признания.)*

Голубые конверты

Рита идёт по площади у Дворца культуры. А перед глазами... голубые конверты. Голубые конверты представляются везде: лужицы — голубые конверты, листья с деревьев — голубые конверты, листья под ногами — конверты. Рита наклоняется, поднимает кленовый лист, а в руках оказывается письмо. Струи дождя — строки писем. Читает.

Г о л о с В и к т о р а. «Здравствуй, дорогая моя Рита! Ты на меня сердисься? Правильно делаешь. Я получил уже три письма и до сих пор не написал тебе... Письмо, в котором ты упоминала о каком-то молодом человеке, который предлагал тебе руку и сердце. И что с ним в настоящее время, хотелось бы знать? Конечно, истинную правду, при условии, что это не составляет никакой государственной тайны и мне можно это знать. Нет, серьёзно, Рита, к чему бы это? Риточка, дорогая, ну когда же я увижу тебя?! Рита, а ты меня дождёшься или нет? Покачнулась у меня вера после того письма. Жди, Рита, жди, дорогая, жди, если действительно любишь!»

Г о л о с Р и т ы. «Витя, милый! Не придавай серьёзного значения глупостям моим про чьи-то „руку и сердце“. Я же тебя жду!.. Знаешь, у нас в театральной студии такая творческая атмосфера! Мы такие дружные! Сейчас репетируем „Братскую ГЭС“ Евтушенко. Представляешь? Наша

режиссёр Нина Васильевна придумала инсценировать главы поэмы. Мне доверили роль Египетской Пирамиды. А хударук дворца, Константин Николаевич, когда сердится на меня, обзывает „египетской призмой“. А если очень сердится — называет „усечённой призмой“ или „клизмой“. Это за то, что я, как староста, вынуждена решать всякие вопросы для студии: реквизит, сцену „выбивать“ для репетиций. А я не обижаюсь. У него необидно получается. Он нас, студийцев, любит...»

Что для тебя театр?

Подиум с приставными ступеньками на сцене во Дворце культуры. Репетиция инсценированной главы «Бал выпускников» из поэмы «Братская ГЭС» Е. Евтушенко. Рита взбегает по ступенькам на импровизированный подиум.

Р и т а

Бал, бал, бал, бал на Красной площади!

Бал в двенадцать баллов — бал выпускников!

С е р г е й (с гитарой)

Бабушка, вы мечетесь, бабушка, вы плачете, —
ваша внучка, бабушка, уже без каблучков.

Л и д а

Платье где-то лопнуло, бусы — в грязь...

С е р г е й

...И на место лобное внучка взобралась.

Т а н я

Где стоял ты, Стенька, возле палача, —
абитуриентка пляшет ча-ча-ча.

А д ы л (с гитарой)

Бутылки из-под сидра, гитары и транзисторы...

С е р г е й

Притопы и прихлопы...

В с е

Составили оркестр...

Р и т а. Стоп! Стоп-стоп! Перерыв на обед!.. Шучу...

Т а н я. Устала? После смены... не отдохнула...

Р и т а. Не в этом дело... Текст надо повторить... (Спускается в зал, садится в кресло, берёт листок с текстом, а ей кажется — голубой конверт. Прикрывает глаза.)

Г о л о с В и к т о р а. «Рита, дорогая, как мне плохо без тебя, без твоих писем. Смотрел на днях фильм и думал о тебе: актриса так похожа на тебя. Ну и, естественно, расстроился. Будущее. До конца службы ещё далековато. А в общем-то, всё решено. Работа. Вечерний институт. А остальное будет зависеть от тебя. Пиши, моя дорогая, я очень жду».

Г о л о с Р и т ы. «...После репетиций даже расставаться не хочется... Эмоциональный заряд так велик, что нуждается в постепенной разрядке. Мы отправляемся или к нам на чай, или к Адылу с Ольгой — на жареную картошку. И разговариваем, разговариваем. Порой даже на темы, не относящиеся к студии. Можем болтать всякую ерунду или вспоминать. Но мы вместе, и нам хорошо...»

Девичья комната общежития. Три кровати, тумбочки, шифоньер, книжный шкаф, стол, покрытый обычной клеёнкой, стулья. Над одной из кроватей на стене — портрет греческого композитора Микиса Теодоракиса, вырезанный из газеты, ещё какие-то вырезки из газет с изображениями кадров из фильмов. На двери — афиша кинофильма «На углу Арбата и улицы Бубулиной» с портретом Людмилы Чурсиной, сыгравшей главную героиню. Вся компания после репетиции, рассевшись на стулья, тумбочки, кровати, по традиции разбирают репетицию, спорят.

С е р г е й. ...Сегодня вот на репетиции хотелось в пляс пуститься...

Т а н я. Ритка любит твист. Да?

Р и т а. ...Помните, «Бая и батрака» репетировали?.. Эмоциональный Виталий Петрович по сцене носился, нож искал, что ли?..

Н а д ю ш а. Его захлёстывало просто!..

Р и т а. Я представила, что это он лезгинку пляшет. И вообще все — как в оперетте или в водевиле: танцуют, пляшут, поют...

На д я. Фантазёрка!

Р и т а. Нине Васильевне боялась сказать: рассердится, что я так с классикой узбекской литературы обращаюсь.

На д я. Конечно, кощунство какое. Нина Васильевна задала бы тебе за такое!..

Л и д а *(входит в комнату с горячим чайником)*. Чай вот согрелся. Таня, доставай чашки-кружки.

С е р г е й. Чай? Замечательно!

А д ы л. Можно и чай!.. Не всё же время водку употреблять...

Л и д а. Скажешь тоже — водку!

С е р г е й. Вино, и то не всегда.

Р и т а. Правильно!

На д я. А Нина Васильевна, между прочим, рекомендовала после тяжёлой репетиции для расслабления — пива выпить немного...

На д ю ш а. Или после выступления — вина с минералкой наполовину...

Л и д а. Сегодня — ни того, ни другого. Только чай. *(Разливает по чашкам.)*

С е р г е й *(продолжая разговор)*. А помнишь, как на творческой встрече парень читал Егора Исаева «Суд памяти»?

Р и т а. Хорошо читал. Эмоционально очень.

Л и д а. Он только много жестикулировал. А это отвлекает от содержания.

А д ы л. А что вообще главное — смысл донести или эмоции?

На д я. Вот чудак! Эмоции-то и помогают донести смысл...

Р и т а. Если не перехлёстывают...

С е р г е й. Ритка, а у тебя когда интервью радиокорреспондент брал, о чём говорили?

Р и т а. О театре, конечно, о нашей студии... над чем работаем... Только, мне кажется, я не то говорила, что нужно... Как-то неожиданно получилось...

На д ю ш а. А что, Нина Васильевна не предупреждала?..

Р и т а. Предупреждала, что интервью для радио... а о чём говорить... как-то не проинструктировала, что ли...

Н а д я. Как проинструктируешь?.. Он же вопросы задавал, а ты отвечала.

Р и т а. Вот именно — вопросы. На них тоже можно по-разному ответить... Вот он задал вопрос: «Что для вас театр?» Он имел в виду, наверное, для нас для всех...

С е р г е й. А правда, что для нас театр?..

Л и д а. Для каждого — своё...

С е р г е й. А для тебя конкретно?

Л и д а (*размышляя*). Театр... Можно говорить о... и о... А точнее, театр для меня — способ самовыражения, возможность самовыражения.

Н а д ю ш а. Точно! Это ещё из детства, из школьных лет, когда я хотела не только получать знания, но и делиться ими с другими. Вот прочитала хорошую книгу и захотела рассказать о ней как можно большему количеству людей. Рассказать так, чтобы и они влюбились в эту книгу...

Р и т а. Словами и мыслями автора сказать о волнующем тебя, о чувствах, настроении... Это ли не театр?.. Сейчас понимаю, что работа по специальности, электрослесарем, с приборами, меня тоже не удовлетворяет. Нет возможности выразить себя.

Н а д я. Но нужно ещё заслужить право самовыражения, право говорить своё «я». Значит, театр — ещё и награда самовыражения.

Т а н я. Чтобы выразить себя, мало только желания и способностей. Нужно искать своё «я», своё творческое лицо...

А д ы л. Значит, театр — это поиск...

Р и т а. Вот-вот! Поиск! А это для меня самое главное — вечный поиск.

Т а н я. «И вечный бой. Покой нам только снится...»

С е р г е й. Скажешь тоже — бой...

Т а н я. Это не я «скажешь», это Блок!..

С е р г е й. Знаю. Ты помешана на стихах...

Л и д а. А Рита — на театре...

А д ы л (*разглядывая афишу на двери*). ...В главной роли — Людмила Чурсина... Вот представьте: здесь будет висеть афиша, а в ней будет написано: «В роли Людмилы Чурсиной — Маргарита Чермошенцина»!

Р и т а. Придумаешь же! И не помешана я. Просто с театром интереснее жить...

Н а д я. Мне идея в голову пришла. А давайте все поведем поступать в театральный!

С е р г е й. А зачем куда-то ехать? В Ташкенте есть институт.

Н а д я. Нет. Надо в Москву или в Ленинград.

Р и т а. В Ленинград! В ЛГИТМиК!

Н а д ю ш а. Правильно! Если учиться, то в центре — в Москве или в Ленинграде.

Т а н я. Я бы на журналиста училась...

Р и т а. А я — на театроведа хочу. Пьесы разные разбирать, спектакли...

Н а д ю ш а. Мальчишки, конечно, на режиссёров бы пошли, да?

С е р г е й. Мечты, мечты, где ваша сладость?..

Н а д ю ш а. Ты что, пессимист, что ли?..

А д ы л. Он пессимистичный оптимист.

Т а н я. Это как?..

А д ы л. Как-то так!..

Ребята постепенно расходятся. «Хозяйки» комнаты убирают посуду. Рита с наказаниями провожает гостей. Возвращаясь, заглядывает в почтовую ячейку в комнате дежурной. Письмо. Обрадована.

Идя по коридору, распечатывает и читает.

Г о л о с Р и т ы. «Рита, здравствуй! Не знаю с чего начать и как закончить. Я и сам ещё не всё понял. Как, что и почему... А потому пока не буду ничего писать. Когда всё более-менее станет на свои места, я напишу. Извини...»

Рита, не понимая, перечитывает письмо. Глаза застилают слёзы, текст расплывается. Снова перечитывает. Останавливается. Перечитывает. Плачет. В слезах вбегает в комнату.

Р и т а. Татьяна! *(Читает письмо.)* Представляешь, какое письмо! Что всё это может значить?

Т а н я. Ничего не понятно...

Р и т а. Что делать?.. *(Рыдает.)* Что делать?.. Как так можно? Что мне делать?..

Т а н я *(берёт письмо, просматривает)*. Если бы он был настоящим человеком, он бы написал всё сразу...

Р и т а *(сквозь слёзы)*. Он — настоящий! Настоящий! Три года дружбы, переписки... Что со мной будет?.. Как мне жить теперь?..

Т а н я. Жди!..

Р и т а. Не верю этому письму! Не верю!.. Не верю! *(Бросается на кровать, зарывается в подушку.)*

Прошла неделя. Рита укладывает дорожную сумку. Гладит платье и остервенело напевает: «Я тебя давно опоила колдовской травой, никуда не денешься, влюбишься и женишься, всё равно ты будешь мой...»

Т а н я. Чего удумала?..

Р и т а. Надо лететь в Тбилиси. С ним что-то произошло... Что? Почему такое письмо? Понимаешь, по ночам просыпаюсь с колебаниями: ехать? не ехать?

Т а н я. Утро вечера мудренее...

Р и т а. ...Такое короткое письмо... Я сначала испугалась... В груди защемило... Понимаешь?.. Слёзы сами собой потекли...

Т а н я. Успокойся!.. Только не реви!..

Р и т а. Ты можешь говорить: успокойся!.. Как успокоиться? Слишком неожиданно и непонятно... Всё рухнуло!.. Всё...

Т а н я. А может быть... Может быть, всё это пустое?..

Р и т а. Нет. Уверена, надо ехать!

Т а н я. А там, в Тбилиси? Что будешь делать? Зима ведь...

Р и т а. Разыщу их воинскую часть. Поговорим. Главное — увидеть его. Заглянуть в глаза... Может, всё не так страшно...

Т а н я. Знаешь что? А ты телеграмму ему дай: жена, мол, лечу, встречай...

Нелётная погода

Рита в аэропорту. Снег. Несколько суток идёт снег. Машины не успевают чистить улицы. Лётное поле тоже завалено снегом. Рейсы отменяют один за одним. Четвёртые сутки нелётная погода. Пассажиры маются в ожидании хоть каких-то обнадёживающих сообщений. И Рита мается. Рядом присел парень в воинской форме, А с л а м б е к.

А с л а м б е к. Далеко летите?

Р и т а (*как бы очнувшись от дремоты*). Что?

А с л а м б е к. Куда вы летите, спрашиваю? Далеко?

Р и т а. Далеко. А вы?

А с л а м б е к. Возвращаюсь из отпуска. Уже все сроки пропустил. Нагоняй получу... Меня Асламбек зовут.

Р и т а. Асламбек... Ага... Билет сохраните. Предъявите — разберутся.

А с л а м б е к. Спасибо! Да... разберутся... Такой зимы не помню, столько снега никогда не было... Давно ждёте?

Р и т а (*с отчаянием*). А какая разница?! Тоже все сроки прошли...

А с л а м б е к. Вы кушать хотите? Пойдёмте в ресторан. У меня сегодня день рождения. Не откажите! Вы одна, я один... Вместе отметим... Пойдёмте!.. Пожалуйста!

Асламбек и Рита за столиком в ресторане аэропорта.

А с л а м б е к. Вино закажем? Вы шампанское любите?

Р и т а (*бесцветным голосом*). Да... Всё равно...

А с л а м б е к. Да не расстраивайтесь вы так! Бывает и хуже...

Р и т а. Хуже не бывает. Не бывает хуже!..

А с л а м б е к. Я вот живу в Ангрене. К родителям приезжал на побывку. Знаете Ангрен?

Р и т а. Откуда? Нет...

А с л а м б е к. Угольный центр Узбекистана. Чёрное золото...

Р и т а. Ещё и чёрное!..

А с л а м б е к. Да. А что? Есть ещё белое...

Р и т а. Знаю я ваше белое. (*С иронией.*) Вкусила.

А с л а м б е к. хлопок. Главное богатство республики...

Р и т а. Ох! Бывала на уборке... Тяжкий труд. Фартук таскать по двадцать килограммов... Это в кино показывают: красиво, празднично, комбайны хлопкоуборочные — «голубые корабли».

А с л а м б е к. С непривычки трудно, конечно...

Р и т а. Привыкнуть не успела. Простудилась, заболела.

А с л а м б е к. Решили совсем уехать из Узбекистана?

Р и т а. Не-е-ет. Мой парень в армии. К нему хотела слетать, повидаться. А тут...

А с л а м б е к. Завидую вашему парню...

Р и т а. У меня пересменок: после ночных — три дня выходных. Ещё с мастером, с девчонками договорилась — отработают по две смены подряд, дневную и вечернюю. Думала, за пять-шесть дней управлюсь. А тут — нелётная погода... Как нарочно! А он там встречается, наверное, ждёт...

А с л а м б е к. Может, ещё успеете...

Р и т а. Теперь уже вряд ли... Извините, у вас день рождения, поздравлять надо, а я со своими проблемами. Простите!..

Разбитая, усталая, опустошённая возвращалась Рита в Алмалык. За окном автобуса проплывали заснеженные картины. Снег продолжал падать, медленно опускаясь на дорогу, на поля, на окна автобуса. Таял и сползал по стёклам, оставляя мокрые дорожки. За окном всё казалось размытым, как на «акварелях по сырому», растерзанным, как мысли и душа Риты. Она ещё не знала этого понятия — «акварели по сырому», но картины за окном завораживали, отвлекали от печальных мыслей, от отчаяния. «Надо ждать. Он напишет. Надо ждать... Надо жить...» — мыслями возвращалась Рита к письму.

Лето. «Со мною ты, рядом со мною...»

Алмалык. Комната общежития. Девчонки собираются на эстрадный концерт: примеряют наряды, поправляют макияж. Радостное оживление, обсуждение предстоящей поездки. Стук в дверь. Таня, уже одетая, думая, что это кто-то из соседских девушек, кричит: «Заходите!» Полуодетая Рита в спешке выговаривает: «Нельзя, нельзя!..» Но дверь открывается, и на пороге появляется Виктор. Рита так и застывает с приготовленной блузкой в руках. Таня и Лида с недоумением наблюдают за ними. Виктор с извинениями пятится назад и оказывается в коридоре.

Р и т а. Девчонки, это он... Виктор...

Немые взгляды девчат: с сожалением, с недоумением, с сочувствием.

Р и т а. Это он... Виктор...

Т а н я. Ой, Ритка, а ты в таком виде...

Л и д а. Да при чём тут вид? Всё так неожиданно...

Р и т а. Вот именно — неожиданно. Столько времени не писал и вдруг приехал.

Т а н я. А как же концерт?..

Р и т а. Кто там спрашивал про билет? Я не еду!..

Л и д а. Жаль!..

Р и т а. Нет-нет... Это важнее... Ой, что я говорю?! Он же ждёт...

Виктор и Рита идут по улице летнего города. Разговор не получается.

В и к т о р. Почему ты молчишь?

Р и т а. А ты?

В и к т о р. Молчанье — золото...

Р и т а. А слово — дороже золота любого...

Рита пытается рассказывать о городе, достопримечательностях.

Р и т а. Тебе не интересно?

В и к т о р. Я что-то проголодался. Где здесь можно пообедать?

Р и т а. Кафе есть. Мы частенько там кушаем. В гостинице — ресторан. Там даже оркестр играет.

В и к т о р. Пойдём в ресторан.

Р и т а. Шиканём?

В и к т о р. Просто пообедаем.

Комната общежития. Рита и Виктор.

В и к т о р. А где твои подруги?

Р и т а. На концерт в Ташкент уехали. Ты как раз застал наши сборы...

В и к т о р. Значит, из-за меня ты не поехала на концерт?

Р и т а. Ну что ты говоришь?! Какой концерт?.. Я тебя так ждала!..

В и к т о р. А знаешь, я ведь прощаться приехал.

Р и т а. То есть как?!

В и к т о р. Я специально выпросился в командировку в Ташкент, чтобы расставить все точки над «i» и попрощаться с...

Р и т а. Почему?.. Какие точки?.. «И» какое-то... Что это?.. У тебя кто-то есть?

В и к т о р. Слишком много...

Р и т а. Что ты говоришь?! Как это «много»? Какие глупости...

В и к т о р. Да. Я предоставляю тебе свободу от всех обещаний и обязательств...

Р и т а. Ничего не понимаю... Витя! Это... Эта наша... встреча?..

В и к т о р. Прости...

Молчание. Рита включает проигрыватель, ставит пластинку. Звучит песня. Ей очень хочется быть близко к Виктору, хочется, чтобы он обнял её. И она приглашает его на танец. Рита и Виктор танцуют под песню Лили Ивановой «Море молодости».

В и к т о р. Что это за песня? Кто поёт?

Р и т а. Это Лили Иванова. А помнишь, мы танцевали под «Белых роз лепестки»? Потом сбежали смотреть фейерверк. Вернулись и танцевали под эту музыку. Помнишь?..

Красноярск. Встреча в концертно-танцевальном зале

Прошло семь лет. Красноярск. Новогодний вечер в концертно-танцевальном зале. По периметру просторной танцевальной площадки первого этажа и балкону второго — столики с напитками и яствами. Нарядные отдыхающие. Гирлянды огней. Шум, разговоры, музыка. Рита с сестрой среди гостей новогоднего бала. После танцевального тура Рита стоит на балконе напротив своего столика и смотрит вниз на танцующих. Сзади подходит Виктор и обнимает Риту за талию. В гневе, с рассерженной гримасой на лице она оборачивается, намереваясь отчитать «нахала». Но замирает, не в силах вымолвить хоть что-то. Выражение лица меняется на удивлённое, радостное, извиняющееся. Виктор понимающе улыбается.

В и к т о р. Рита! А я думаю: ты это или не ты?

Р и т а. Витя! Извини! Я чуть тебя не ударила. Думала, какой-то наглец осмелел... Прости, пожалуйста.

В и к т о р. Я увидел, когда ты танцевала. И пошёл искать. Я так рад! Сколько мы не виделись?

Р и т а. Долго... Надо же, и узнал меня!.. Ой, Витя, я тоже рада. Чем занимаешься? Отучился? Конечно же... Что я болтаю?.. Столько лет прошло...

В и к т о р. Рит, ты-то как? Замужем?

Р и т а. Нет. Тебя жду. Ты опять к родителям на побывку?

В и к т о р. Да. Приехал познакомить их с женой. Кстати, вот она подходит. Знакомьтесь.

В е р а. Вера.

В и к т о р. Вера, а это Рита. Мы с детства знакомы. Ещё когда в Белом Яре жили. И периодически пересекаемся...

Р и т а. Вы где обитаете?

В и к т о р. Наверное, переберёмся в Красноярск. Родители уже старенькие, нужно быть рядом.

Р и т а. Понятно. А мы здесь с сестрой. Алька устраивает мой культурный досуг. Боится, что я заскучаю...

Закружили трели звонков...

Прошло почти тридцать лет. Поздний-поздний вечер. Уютно устроившись с ногами на диване, Рита читает книгу. На полу у дивана стоит телефон. Раздаётся звонок.

Р и т а. Странно... Кто может звонить так поздно? (*Сни-
мает трубку. Мужской голос.*)

Г о л о с. Маргарита Марковна?

Р и т а. Да-а...

Г о л о с. Узнаёшь?..

Р и т а. Пока нет...

Г о л о с. Она ему: «Мы залпом выпили друг друга, а надо было по глотку...»

Рита в недоумении: «Вроде мои стихи... Но откуда у мужчины могут быть мои стихи?.. Вроде мужчинам не дарила сборника...»

Г о л о с (*продолжает*). А он ей: «Пускай ты выпита другим, но мне осталось, мне осталось твоих волос стеклянный дым и глаз печальная усталость...»

«Ну, это явно Есенин», — внутренний голос Риты.

Г о л о с. Ну что, так и не догадалась, кто звонит?

Р и т а. Н-нет...

Г о л о с. Сказать, или будешь угадывать?

Р и т а. Скажи, скажи!.. Всё равно не могу вспомнить. Вроде что-то знакомое, но... Нет, не вспомню.

Г о л о с. Виктор.

Р и т а. Какой Виктор?.. Боже мой, Витя!.. Ты? Не может быть!

В и к т о р. Может, может!

Р и т а. Неужели?! Голос из прекрасного далёка... Точно, это твой голос!.. Как? Почему? Откуда?

В и к т о р. Встретимся — расскажу. Ты чем занимаешься? Работаешь? Где? Муж, дети?

Р и т а. Сын есть. Работаю...

В и к т о р. Стихи, смотрю, пишешь...

Р и т а. Да... Пытаюсь...

В и к т о р. Ой, извини... Я по служебному говорю. Тут кто-то пришёл. Извини...

Короткие гудки телефона. Рита машинально кладёт трубку и в задумчивости откидывается на спинку дивана.

Поздний вечер. Рита готовит ко сну постель. Звонок телефона.
Рита снимает трубку.

В и к т о р. Привет!

Р и т а. Здравствуй!

В и к т о р. Узнаёшь?

Р и т а. Узнаю.

В и к т о р. Как дела? Чем занимаешься?

Р и т а. Чем можно заниматься в такое время? Спать собираюсь. А тебе не спится?

В и к т о р. Я на дежурстве. Дай, думаю, позвоню...

Р и т а. Слушай, откуда у тебя мой телефон? Вообще ничего не понимаю: как ты меня обнаружил? Через столько лет...

В и к т о р. Свет не без добрых людей... Написала что-нибудь новенькое?

Р и т а. В смысле?..

В и к т о р. Стихи.

Р и т а. Оставь ты эти стихи. Расскажи лучше, как живёшь, чем дышишь, что ищешь?.. Шучу. Как жена? Дети, наверное, выросли...

В и к т о р. Уж не жду от жизни ничего я...

Р и т а. Так уж и не ждёшь?..

В и к т о р. Как-то всё не очень хорошо. Дети выросли, у них свои семьи. Жена болеет последнее время.

Р и т а. Сочувствую.

В и к т о р. Рит, почему у тебя стихотворение вот так заканчивается: «А художника милого имя я забуду, замру, замолчу»?

Р и т а. Объясню при встрече...

В и к т о р. Ну ладно, поздно уже. Ты ведь спать соби-
лась... Спокойной ночи.

Р и т а. И тебе того же... *(Короткие гудки.)*

Рита в постели. Сквозь сон слышит долгий телефонный звонок. Машинально протягивает руку, нажимает кнопку будильника. Звонок прекращается. Рита открывает глаза, соскакивает с постели. Походит к окну, отдёргивает штору и выглядывает в окно. По сумеречной утренней улице в разные стороны разбегаются автомашины. «Как букашки, застигнутые внезапно вспыхнувшим светом», — думает Рита. С утра всё выпадает из рук. Свалился в унитаз и намок рулон туалетной бумаги. Что-то падало ещё. Не разбивалось, не ломалось — и то хорошо. Под левой лопаткой зудело. Хотелось поцарапать, но дотянуться не получалось ни левой, ни правой рукой. И только стоя под душем и наконец дотягиваясь до места зуда, с иронией подумала: «Крыло, что ли, прорастает?..» И тут же вспомнились строчки стихотворения Светланы Ермолаевой про органнй зал и «ангельское крылышко билетика вознесёт меня над суетой».

Р и т а. Ох, эта суета! И как жить без суеты?.. Размеренно и мудро... Как?

Рита готовится завтракать. Закипает чайник. Разговаривает сама с собой.

Р и т а. Надо заварить свежий чай. Та-ак. В большую кружку — три кусочка сахара и ложечку варенья. Что у нас в холодильнике, кроме варенья? О, баночка — «Икра мойвы»! Можно. *(Взгляд падает на начатую палку сырокопчёной колбаски.)* Питаю слабость! Несколько кружочков... Та-а-ак, ассортимент моего завтрака расширяется. А это что? Баночка солёных рыжиков, тоже начатая. Взять или не взять?.. Нет, не стоит устраивать винегрет в желудке, хотя мясное с овощным — идеальное сочетание. Но какие же грибы — овощи? А если не

овоци, то что? Ладно, ограничусь колбасой. А вот яйцо прихвачу. И выпью его сырым, вместе с колбасой. Не люблю яйца варёные. Охотнее всего употребляю сырые... ну, или глазунью. В крайнем случае — в омлете. Всё, поднос сервирован.

Вечер. Рита после работы едет в автобусе. Готовится на выход.

П о п у т ч и к. Вы будете сейчас выходить?

Р и т а. Нет. Я на следующей.

П о п у т ч и к. А я на этой.

Р и т а. Вы живёте в этом недостроенном доме?

П о п у т ч и к. С чего вы взяли?

Р и т а. Просто у остановки — пустырь и только этот недостроенный дом...

П о п у т ч и к. Достроим!.. А хотите, вместе достроим?

Р и т а. А что, рискну!

П о п у т ч и к. Рисковая женщина! Вполне устраивает ваша решительность. Так выходим вместе?

Р и т а. Выходим!..

Выходят из автобуса.

П о п у т ч и к. Идём ко мне? Чай, кофе, вино...

Р и т а. Вы что?! Надо же, не боится первую попавшуюся приглашать...

П о п у т ч и к. А я тоже рисковый!..

Р и т а. Можно подумать! С виду вроде приличный, интеллигентный мужчина.

П о п у т ч и к. А что, приличный мужчина не может быть рисковым?

Р и т а. А вдруг я аферистка какая-нибудь?..

П о п у т ч и к. Не похожи вы на аферистку...

Р и т а. А на кого я похожа?

П о п у т ч и к. На обычную симпатичную женщину... Усталую и... добрую.

Р и т а. Вот это точно — усталую. А потому — прощайте! Я — отдыхать.

П о п у т ч и к. Вас проводить? Целую остановку не до-
ехали...

Р и т а. Спасибо! Прогуляюсь. Я ведь специально рань-
ше вышла, чтобы пройтись. На работе целый день в духоте...

П о п у т ч и к. Точно не хотите, чтобы проводил? Одна
пойдёте?

Р и т а. Пойду. Дойду... Конечно, дойду...

Рита готовит ужин. Никак не может поймать вертящийся в руках
при попытке убрать в шкаф нож. И он упал в конце концов на пол.
«Ну, это хорошо: к мужчине. А то что-то давно не звонит...» — ду-
мает Рита. Звонок телефона.

В и к т о р. ...Кстати, ты что делаешь в пятницу вечером?

Р и т а (*подумав*). Вроде бы ничего... А что?

В и к т о р. У меня есть билеты в театр. Ты в театр хо-
дишь?

Р и т а. Конечно.

В и к т о р. Тогда я приглашаю тебя в театр. Послезав-
тра встречаемся у театра в половине седьмого.

Р и т а. Х-хорошо...

В и к т о р. Не опаздывай!

Р и т а. Постараюсь...

Виктор и Рита идут из театра.

В и к т о р. Как тебе спектакль?

Р и т а. Хороший.

В и к т о р. А знаешь, я его второй раз смотрю...

Р и т а. Что, очень нравится?

В и к т о р. Как сказать... Хотелось тебя увидеть нако-
нец. Не всё же по телефону общаться.

Р и т а. Я тоже этот спектакль уже видела... Да...

В и к т о р. Возвращаясь к... Помнишь, я у тебя спраши-
вал про стихотворение? Почему так... безнадёжно, что ли,
заканчивается: «художника имя забуду», — а? Ты обещала
объяснить.

Р и т а. Если бы я была с тобой, наверное, заканчивалось
бы по-другому... Кстати, а где твоя супруга? Вера, кажется?

В и к т о р. Она умерла.

Р и т а. Ой, извини...

В и к т о р. Уже больше года...

Р и т а. А что случилось? Онкология?

В и к т о р. Нет. Вроде не онкология. Голова стала сильно болеть. Врачи не могли ничего определить. Лечение никакое не помогало...

Р и т а. Сочувствую... Прости...

В и к т о р. Нет, в стихах надо другое окончание...

Р и т а. Хорошо, подумаю...

В и к т о р. Подумай, подумай!..

Р и т а. Ты что же, собираешься меня провожать? Я далеко живу.

В и к т о р. Нет. Не собирался, а теперь, пожалуй, соберусь...

Р и т а. Вот как? И что, у тебя много свободного времени?

В и к т о р. Ну да. То есть нет. И вообще, при чём здесь свободное время, много его или мало?.. Точно! Я хочу тебя проводить! И всё!

Р и т а. Ах, сколько страсти, какой темперамент! Я уже и боюсь такого провожания.

В и к т о р. Не бойся, я смиренный. Это что-то вдруг на меня нашло. Наверное, от смущения.

Р и т а. От смущения? Тебя смущаю я? А как домой обратно добираться будешь? Поздно ведь уже.

В и к т о р. А я у тебя заночую.

Р и т а. Ха-ха! Новости-то!..

В и к т о р. Не бойтесь, Рита Марковна! Свободу нравственности гарантирую!

Р и т а. Марковна... Маркóвовна!.. Так меня дочка моей подруги навеличивает...

Утро. Рита и Виктор в постели.

В и к т о р (*отодвигаясь от Риты, едва слышно*). Вот такое у нас получилось утро...

Р и т а. Угу... *(И вдогонку уже чуть громче.)* И как, удачное у тебя утро или так себе?

В и к т о р. Да вроде задалось...

Р и т а. Давай подольше поваляемся, выходной ведь. Ещё пару раз займёмся...

В и к т о р. А почему нет?!

Взволнованные, удовлетворённые, тяжело дыша, разбросались по постели.

В и к т о р *(направляясь в ванну)*. Всем досталось...

Р и т а. И найдёт же что сказать! Точно и юморно... И какая же это свобода нравственности?.. Всё с точностью до наоборот. Свобода безнравственности получилась...

Прошёл год. Рита одна. Разглаживая уютгом платье, как бы репетирует ответ на предполагаемый комплимент Виктора.

Р и т а. Что-то вроде: «Я предполагала, что вы оцените мой весенний наряд», — или: «Я и не сомневалась услышать от вас комплимент моему платью», — или ещё что-то подобное. А ещё я ему скажу: «Витя, вот кот меня целует, а ты нет. Правда-правда! Вчера лёг возле меня на постели, ткнулся мокрым носиком в руку и стал лизать сначала руку, потом плечо. Так нежно...»

Звонок в дверь. Рита идёт открывать дверь. Из прихожей слышны голоса.

Р и т а. О-о! Поздравляю!

В и к т о р. С чем поздравляешь?

Р и т а. Судя по вашему виду...

В и к т о р. Да-а... *(Перегрязнивает.)* По нашему виду...

Рита и Виктор входят в комнату. Виктор подшофе. Глазки блестят, движения неуверенные.

В и к т о р. Ритёнок, а что у нас на ужин?

Р и т а. А вы это... с радости или с горя?..

В и к т о р. Что?.. Не понимаю...

Р и т а. Уважаемый сэр, когда выпиваете, не закусываете?

В и к т о р. Закусываем. Только я торопился к тебе...

Р и т а. Закусывать...

В и к т о р. Точно!

Р и т а. Ты не звонил. А я не ждала тебя и ничего не готовила сегодня.

В и к т о р. Тогда я буду закусывать тобой... *(Пытается обнять Риту.)*

Р и т а. Оставь! Витя. Ну Ви-и-итя!..

В и к т о р. Рита Маркововна́, а вы похудели!..

Р и т а. Да...

В и к т о р. А-а-а... Чем пользовались?

Р и т а. Вот такой эффект даёт... чёрная кофточка!..

В и к т о р. Ритуля, радость моя... *(Утыкается носом ей в плечо, пытается поцеловать шею.)*

Р и т а. Ты меня размагничиваешь. Мне нужно к столу, к бумаге — писать хочется.

В и к т о р. Писать... Писарь ты мой! Ты и так всё время что-то пишешь... Слушай, а почему ты мне ничего не напишешь?

Р и т а. Тебе? Напишу когда-нибудь... «Тебя я слишком берегу, моя последняя любовь», — как сказала Елизавета Полонская.

В и к т о р. Последняя любовь, значит... У тебя есть в стихотворении: «Ты меня приворожил...» И почему это не про меня?..

Р и т а. Потому... что... «не напишу тебе стихов, пока тебя не разлюблю»...

В и к т о р. Твоё?

Р и т а. Увы, нет. Той же Елизаветы Полонской...

В и к т о р. А жаль!..

Р и т а. А у меня внутри что-то зреет, трепещет. Чувствую это тремоло творческое...

В и к т о р. Даже так?..

Р и т а. А нужно готовить есть, кормить тебя, спать с тобой...

В и к т о р. Вот оно что...

Р и т а. И приходится откладывать и откладывать писание...

Не спалось

Ночь. Рита стоит у окна, смотрит на мерцающие огни.

Г о л о с Р и т ы

Не спалось. Звонка опять ждала.
И смотрела на уснувший город.
Инеем одетая ветла
Мартовский перевозмогала холод.

Не спалось. И телефон молчал.
В зыбком мареве ночного света
Город спящий за окном мерцал
Россыпью гранёных самоцветов.

Дерево под бледным фонарём
Продолжало сказочно искриться,
Словно серебрястое перо,
Выпавшее у волшебной птицы.

Падала звезда, светя полоской,
Поделила небо на два вкось.
Так звонок бы жизнь на «до» и «после»...
Телефон молчал. И не спалось.

Звонок телефона. Рита вздрагивает, но не подходит. Телефон звонит... звонит...